

УДК 101.1: 316
DOI 10.23683/2227-8656.2018.1.6

**МЕХАНИЗМ И ИНВАРИАНТЫ
ИНЕРЦИОННОСТИ
В ПРОЦЕССАХ
КОНСТРУИРОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ
И ПОЛИТИЧЕСКОЙ
РЕАЛЬНОСТИ**

**THE MECHANISM
AND INVARIANTS
OF INERTIA
IN THE PROCESSES
OF CONSTRUCTION
OF SOCIAL AND POLITICAL
REALITY**

Гнатюк Максим Александрович

Кандидат социологических наук,
преподаватель,
Самарский государственный университет
путей и сообщения,
г. Самара,
e-mail: gnatuk_m@yandex.ru

Maxim A. Gnatyuk

Candidate of Sociological Sciences,
Teacher,
Samara State
Transport University,
Samara,
e-mail: gnatuk_m@yandex.ru

В статье показано, что механизм и инварианты инерционности в процессах конструирования социальной и политической реальности, связанные как с воздействием прошлого опыта, так и с действиями, идеологически обоснованными и целенаправленно внедряемыми в сознание общественности, проявляют себя в социальном пространстве как формы бытия социальной материи, совокупности социальных процессов и социальных практик. При этом автор исходит из того, что базовыми компонентами феномена социальной инерции выступают такие, как социальное воздействие; отход от рациональности, основанный на искаженном восприятии прошлого опыта; конструирование социальной и политической реальности.

The article shows that the mechanism and invariants of inertia in the processes of construction of social and political reality are connected both with the influence of past experience and the actions of ideologically grounded and purposefully introduced into the mass consciousness. The mechanism and invariants of inertia manifest in social space in various forms: being of social matter, social processes and social practices. At the same time, the author proceeds from the assumption that the basic components of the phenomenon of social inertia are: social impact; deviation from rationality, based on a distorted perception of past experience; the construction of social and political reality.

Ключевые слова: механизм и инварианты инерционности, социальное пространство, конструирование социальной и политической реальности, социальная инерция, социальность.

Keywords: mechanism and invariants of inertia, social space, construction of social and political reality, social inertia, sociality.

Проблематика социальной инерции выдвигается в число ведущих в отечественном социально-гуманитарном знании, что связано с обстоятельствами и особенностями проявления этого феномена в российской социальной реальности. Исследование социальной инерции как условия и фактора обеспечения устойчивости социальной системы вносит определенный вклад в разработку концепции устойчивого развития общества.

Современные социальные, политические и культурные условия актуализировали проблемы, связанные с феноменом социальной реальности. Становится очевидным, что социальная реальность зависит от общественного сознания, от представлений и интерпретаций, функционирующих в обществе. Согласно А. Шюцу, «все наше знание о мире содержит конструкторы, т.е. набор абстракций, обобщений, формализаций и идеализаций, соответствующих определенному уровню организации мышления» [1, с. 8].

Способы и виды концептуализации социальной реальности основаны на философских понятиях и принципах, которые сложились в контексте постмодерна (М. Фуко, Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Деррида, Ж. Делез, Ж. Бодрийяр).

В социальной реальности и в идеологическом пространстве России идут непрерывные процессы воспроизводства смыслов и структур [2]. В.В. Никитина исходит из того, что трансцендентальные смыслы укоренены в менталитете и связаны с интенциями обеспечения жизненной безопасности разного рода не столько в индивидуальной, сколько в социально-поколенческой перспективе. Смыслы подобного свойства конструируются стихийно, в силу воздействия долговременных и жизненно значимых факторов, хотя в их долговременной фиксации немаловажную роль играют политико-властные структуры [3, с. 58–59].

Автор исходит из того, что базовыми компонентами феномена социальной инерции выступают такие, как социальное воздействие; отход от рациональности, основанный на искаженном восприятии прошлого опыта; конструирование социальной и политической реальности.

Инерционностью отличается властно-идеологическое регулирование в контексте процессов конструирования социальной и политической реальности. Специфика властного регулирования связана с нали-

чием неравного, зависимого положения между участниками данных отношений. Власть может базироваться на одном из трех видов авторитета: авторитете «вечно вчерашнего» – нравов, освященных исключительной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение; авторитете «внеобыденного личного дара», основу которого составляет харизма; авторитете господства в силу легальности, в силу веры в обязательность, необходимость установленных порядков [4].

Обращая внимание на фактор «национального лидера», А. Цуладзе отмечает, что инерционная обращенность в прошлое закрывает дорогу в будущее. Продвижение вперед становится невозможным. Политика в современных странах западной демократии связана с процессами согласования интересов различных классов и социальных групп. В России же наличествует иная схема: вождь и масса. Это архаичная конструкция, уходящая корнями в первобытные времена. Для того чтобы эта конструкция работала в ситуации современности, требовалось низвести массовое сознание до самого примитивного уровня. Именно этим и занимается кремлевская пропаганда, которая будоражит страсти, провоцирует агрессию и не допускает проявления даже проблесков работы мысли [5].

Итогом становятся социальная апатия, безверие и двоемыслие. Человек утрачивает исходные интуиции положительного понимания социальности, испытывает смыслоутрату и потерю жизненных ориентиров, когда ему не с чем соотнести себя, не во что верить.

Все это подтверждает вывод Ю.Н. Афанасьева, что российская власть и российский мыслящий класс (вместе с обслуживающей творческой интеллигенцией) сделали разворот в русское и советское прошлое: туда, где не существовало личности, где все и вся было подавлено государственным Левиафаном, где не было политики, гражданского общества, права, частной собственности, свободы. Но движение в прошлое – хотя бы и «светлое», как устремленность к какому-то идеалу – без движения в будущее благополучия не принесет [6].

Инерционная составляющая как совокупность устойчивых и воспроизводимых в социальной и политической реальности установок и свойств увязывается с целенаправленным манипулятивным воздействием властвующих субъектов (политическая элита, доминирующие социальные группы, статусные социальные субъекты) на массовое сознание и массовое поведение.

В условиях, когда сегодняшняя политическая конструкция отвечает интересам российской элиты, субъектность становится определяющим показателем инерционных практик, призванных манипулиро-

вать общественным и индивидуальным сознанием и поведением, а инерционная составляющая проявляется в обществе в условиях утраты основной массой населения уверенности в завтрашнем дне, отсутствия понимания причин и сути происходящего и готовности принимать на веру все, что предлагается различными источниками информации, часто осуществляющими деструктивное психологическое воздействие.

Нынешняя российская элита, исповедуя инерционные практики, стремится играть на мифологемах массового сознания, связанных с ностальгией по утраченному советскому величию, ксенофобией, антизападничеством, ненавистью к олигархам, убежденностью в особой духовности России.

Идеологическим обоснованием манипуляций общественным выбором выступает широко распространенные представления о политической незрелости русского народа, о его как бы врожденной склонности к крайностям: или железная рука, или бесшабашная вольница.

Механизм и инварианты инерционности в процессах конструирования социальной и политической реальности проявляют себя в следующих векторах и траекториях:

– в стремлении удержать существующее состояние, в том числе опираясь на элементы прошлого социального и культурного опыта, предыдущих социальных практик (социальное повторение, социальное подражание);

– в стремлении в условиях социальной и политической неопределенности сохранить социальный порядок в целях поддержания устойчивости системы, что в итоге воплощается в квазимодернизации и социальном застое.

На уровне социальной реальности отчетливо проявляется идущая из досоветского и советского прошлого инерция имитации, создания видимости, «лакировки действительности».

Существенное значение приобретает проявление элементов инерционности в функционировании социальных наук (социального знания) в контексте конструирования социальной и политической реальности, что связано как со спецификой их функционирования, так и с существующим социально-историческим и культурным контекстом.

Основные средства реализации науки – это прежде всего люди, обладатели особого типа мировоззрения, системы ценностей, норм, определяющих их деятельность в обществе. И всякий исследователь (историк, социолог, политолог, культуролог), исходя из своего восприятия образа мира и мировоззренческих установок, воспроизводит в своем творчестве восприятие объективной и субъективной реальности,

соединяя чувственное восприятие мира с рациональным и конструируя новые образы социальной реальности. «Конструирование происходит сначала мысленно, а затем переносится в реальность. Иными словами, в соответствии со своим представлением о социальной реальности акторы начинают действовать и конструировать социальную реальность» [7].

П. Бергер и Т. Лукман исходят из понимания социального знания как совокупности опыта социального субъекта, кристаллизованного в рациональных формах и включающего в себя «все то, что считается знанием в обществе» [8].

В качестве первичного и главного объекта отображения в социальном знании выступает социальная реальность.

Как пишет социальный философ В.Е. Кемеров, последовательное рассмотрение знания в связях социального бытия формирует вопрос о субъектности знания. Под субъектом имеется в виду не абстрактная конструкция, а человеческий индивид в конкретно-социальных формах общения и обособления [9].

Социальное знание во многом обусловлено уровнем образованности общества. Изменяющаяся социальная и политическая среда воздействует на все институты жизни общества, прежде всего на образование. Совокупность образовательных практик как целостная исторически обусловленная социокультурная организованность знания, мышления и деятельности, обеспечивающая воспроизводство определенной социальной реальности, тесно связана с системой социального знания.

В этом отношении прав А.В. Юревич, который обращает внимание на то, что нашими отечественными политиками востребована лишь та наука, которая позволяет улучшать политический имидж, готовить и проводить избирательные кампании, зондировать и «зомбировать» общественное мнение. Именно эта наука полезна лично политикам, а не та, которая обеспечивает развитие общества и повышение его благосостояния [10].

Инерционность в социальных науках во многом обусловлена и тем, что ученые потеряли свою социальную значимость, утратили и стремление к свободе научного творчества.

С.Л. Ивашевский пишет об отсутствии у значительной части современного российского общества действительного интереса к науке, осознания ее значимости, жизненной ценности. Причины низкого статуса науки в России связаны с особенностями сырьевой экономики, определяющими невысокий спрос на научную продукцию; традиция-

ми политического авторитаризма, основанными на вере, а не на разуме; слабым финансовым обеспечением науки и научных кадров, что отрицательно влияет на их социальный престиж. Общество перестало ощущать ценности науки и творческого труда. Все это обернулось массовым обращением к религии, увлечением колдунами, предсказателями, знахарями [11].

Обращая внимание на инерционность в развитии отечественной социологической мысли, известный российский исследователь В. Вахштайн исходит из того, что поле сегодняшней российской социологии оказалось, по сути, поделено между двумя квазитеоретическими языками: несоветским и антисоветским. В оптике «консервативного» языка социология понимается как социальная технология, а потому она должна быть полезной, прежде всего государству. Теория нужна, но российская, отечественная, отвечающая национальным интересам.

В свою очередь, несоветскому языку последние двадцать лет как в герметичном пространстве науки, так и в открытом пространстве публичных текстов противостоит язык «прогрессивной социологической общественности». Это язык антисоветской социологии. У него тоже есть несколько отличительных черт. Во-первых, критический настрой по отношению к «кондовому» языку советской социологии и ее законному наследнику – консервативному несоветскому новоязу. Во-вторых, эксплицитно заявленные либеральные идеалы: социология должна служить делу прогресса, становления гражданского общества, демократизации и либерализации. В-третьих, упор на эмпирическую работу: необходима социография, т.е. квалифицированное описание «реальных проблем российского общества» [12].

Так механизм и инварианты инерционности в процессах конструирования социальной и политической реальности, связанные как с воздействием прошлого опыта, так и с действиями, идеологически обоснованными и целенаправленно внедряемыми в сознание общественности, проявляют себя в социальном пространстве – форме бытия социальной материи, совокупности социальных процессов, социальных практик и социальных позиций социальных агентов, взаимосвязанных и взаимодействующих между собой. Как и человек, общество чем оно менее развито, тем более значительным запасом инерционности обладает. Соответственно, такому обществу, как и такому человеку, труднее встать на путь креативности.

Литература

1. Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. М., 2004.
2. Калайков С.Ю. Взаимодействие традиции и новации как проблема риторического конструирования социальной реальности : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2004.
3. Никитина В.В. Образ России в современной Украине: проблема вычленения смыслового ядра // Образ России в контексте формирования культуры толерантности внутри страны и за рубежом : сб. тез. М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2009.
4. Леон Е.И. Властно-регулятивный аспект идеологического взаимодействия в современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Краснодар, 2011.
5. Цуладзе А. Перегрузка России. Часть первая // Ежедневный журнал. 2009. 9 дек.
6. Новая газета. 2008. 22 дек.
7. Беспалова А.А. Рекреационное пространство крупного российского города: креативные практики конструирования. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2016. 130 с.
8. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
9. Знание в связях социальности. Екатеринбург: УрГУ, 2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://csp.ispn.urfu.ru/usu/> (дата обращения: 15.06.2017).
10. Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/articl/2005/06/21/> (дата обращения: 15.06.2017).
11. Ивашевский С.Л. Социальные условия развития науки в современной России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intelros.ru/2012/02/21/> (дата обращения: 15.06.2017).
12. Вахштайн В. «Куракингейт» // Русский журнал. 2010. 16 февр.

References

1. Shyuts A. Izbrannoe: mir, svetyashchiysya smyslom. M., 2004.
2. Kalaykov S.Yu. Vzaimodeystvie traditsii i novatsii kak problema ritoricheskogo konstruirovaniya sotsial'noy real'nosti : avtoref. diss. ... kand. filoz. nauk. Ekaterinburg, 2004.
3. Nikitina V.V. Obraz Rossii v sovremennoy Ukraine: problema vychleneniya smyslovogo yadra // Obraz Rossii v kontekste formirovaniya kul'tury tolerantnosti vnutri strany i za rubezhom : sb. tez. M.: MGGU im. M.A. Sholokhova, 2009.
4. Leon E.I. Vlastno-regulyativnyy aspekt ideologicheskogo vzaimodeystviya v sovremennoy Rossii : avtoref. diss. ... kand. polit. nauk. Krasnodar, 2011.
5. Tsuladze A. Perezagruzka Rossii. Chast' pervaya // Ezhednevnyy zhurnal. 2009. 9 dek.
6. Novaya gazeta. 2008. 22 dek.
7. Bepalova A.A. Rekreatsionnoe prostranstvo krupnogo rossiyskogo goroda: kreativnye praktiki konstruirovaniya. Rostov n/D.: Fond nauki i obrazovaniya, 2016. 130 p.
8. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya. M., 1995.
9. Znanie v svyazyakh sotsial'nosti. Ekaterinburg: UrGU, 2004 [Elektronnyy resurs]. URL: <http://csp.ispn.urfu.ru/usu/> (data obrashcheniya: 15.06.2017).
10. Sotsiogumanitarnaya nauka v sovremennoy Rossii: adaptatsiya k sotsial'nomu kontekstu [Elektronnyy resurs]. URL: <http://polit.ru/articl/2005/06/21/> (data obrashcheniya: 15.06.2017).
11. Ivashevskiy S.L. Sotsial'nye usloviya razvitiya nauki v sovremennoy Rossii [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.intelros.ru/2012/02/21/> (data obrashcheniya: 15.06.2017).
12. Vakshtayn V. «Kurakingeyt» // Russkiy zhurnal. 2010. 16 fevr.